

Илья Сунделевич

Район улицы Железной

© Илья Сунделевич, 2009

Район улицы Железной

После окончания войны в Таллинн стали возвращаться евреи. Первыми вернулись те, кому посчастливилось не попасть в сталинские лагеря и ссылки. Это были эвакуированные, которые остались в живых.

Начиная с 1954 года, начали появляться лагерники и ссыльные. Многим из них разрешили вернуться в Таллинн только после 1956 года.

Вместе с новой властью в Таллинне появились и новые евреи. Кто – с погонами, а кто с инженерным или врачебным дипломом.

Так уж получилось, что мои родители и бабушка первые несколько десятилетий редко общались с так называемыми «русскими» евреями. В нашей среде немного было тех, кто симпатизировал навязанному режиму. А «новые» евреи были, в большинстве своем, обычными людьми советского строя. Конечно, были и исключения. Но исключения встречались и с другой стороны. В любом случае, основной круг общения все-таки составляли эстонские евреи. Они находились в общем культурном поле, где магазины и кафе в центре города все еще назывались по именам их владельцев. Кофе от Каарманна, обои от Гюнтера, торт от Фейшнера. Это были защитные коды. Те, кто не говорил на этом языке, были чужими.

До войны улица Рауа (Железная) была самой еврейской улицей в Таллинне. На этой, по тем временам, не такой уж и маленькой улице, где располагались с двух сторон примерно сто двадцать домов, проживали 57 еврейских семей.

Некоторые дома были «сплошь еврейскими». Так, в доме номер 14 жили Кацы, Данциги, Шуманы, Умовы. В доме 37 – Гринсоны, Леверы, Маковские, Михельсоны, Пассовы. Не отставал от них и дом номер 42. Герценберги, Леренманы, Либерманы, Лёвенштейны, Малкины. На этой же улице находился и дом дяди моей мамы, Харри Гринштана. Это был дом номер 59. За углом, на улице Вильмси жила и моя мама.

После возвращения из эвакуации, наша семья, бабушка Минна Хазак и две ее дочери, Ребекка и Ципора, получили квартиру на тогдашней улице Якобсони, ныне Фельмани, параллельной улице Рауа. Тот же район, те же улицы и дома. Только за спиной остались страшные пять лет, которых хватит на еще несколько поколений.

Жизнь постепенно стала налаживаться, насколько это вообще было возможно. Я родился на улице Якобсони, и она стала тем центром, из которого до сегодняшнего дня расходятся столь важные в моей жизни маршруты. Вместе с бабушкой к ее знакомым. Вместе с мамой к ее подругам. Просто в гости, или в гости, а заодно и помыться в ванной. Горячей воды и колонки у нас не было. Мои маршруты в школу. И к друзьям-приятелям. Все это располагалось в радиусе не более десяти минут ходьбы пешком.

Мне захотелось восстановить в памяти тот маленький еврейский мир улиц, примыкавших к Кадриоргу. На удивление, все дома сохранились. Не хватает всего лишь одного дома, верней, почти что барака, на улице Вийдемани, который снесли несколько лет тому назад.

Сегодня по всем этим адресам живут другие люди. Преемственность сохранила только семья Рут Лаане (Коробов). Большинство же в начале 70-х годов воспользовалось временным послаблением режима, и разъехались кто куда. Другая часть переселилась на кладбище Рахумяе. И те, и другие – навсегда. Мир тех эстонских евреев, для которых лето в Хаапсалу и марципан от Штуде являлись не экзотикой, а частью обычной жизни, остался в истории.

Я тоже воспользовался «окном возможностей», и отсутствовал два десятилетия. Но вернулся. Правда, не свою улицу Якобсони, зато на улицу Рауа. На бывшую самую еврейскую улицу Таллинна.

Faehlmanni 32

Вход через подворотню вел во двор. Там стоял каменный трехэтажный дом, один из немногих каменных домов на всей улице. Начиная от пересечения с Тобиасе и Теразе, где на месте сегодняшних гаражей телевидения находились баня и конечная остановка автобуса номер 1, и до самого Кадриорга, до улицы Койдула, каменных домов больше не было.

В этот дом наша семья въехала после возвращения в Таллинн осенью 1944 года. В доме с печным отоплением не было теплой воды и ванной. Мылись в тазике. Воду грели на плите. И ходили в баню. В лучшем случае - мылись по знакомым.

Единственным удобством, напоминавшим прежнюю жизнь, был телефон. Он висел на стене, и его корпус украшала золотая эмблема. Сверху были два блестящих звонка. Я быстро научился отгибать контакт предохранителя, и телефон переставал работать на те дни, когда классная руководительница собиралась звонить домой маме. Номер телефона у нас был 27-17. В те времена два-три дня без телефона можно было прожить совершенно спокойно. Иногда ремонтную службу приходилось ждать еще дольше.

На последнем этаже жили болгарин Иван Спиридонович Столейков и его жена Лидия Владимировна, урожденная баронесса Врангель. Иван Спиридонович был легендарным преподавателем латыни и греческого в русских гимназиях города. Кличка у него была Муст. На мой день рождения, кажется, на десятилетие, он подарил мне прошитую вручную тетрадь, где твердым карандашом каллиграфическим почерком по старой орфографии были описаны алфавиты греческого и иврита, а также много нравоучительных стихов по библейским мотивам пера Петра Вейнберга. Со смерти Сталина прошло всего шесть лет.

Рядом со Столейковыми жили Нымберги. Актер Эндель Нымберг был один из первых телевизионных режиссеров в Эстонии. Летом он ходил в пиджаке и рубашке с галстуком, а на голове заливчатая зеленая шляпа.

В нашем доме было всего 7 квартир. Одна находилась в подвале. Там жили Юта и Роберт. У Роберта был трофейный мотоцикл БМВ, а Юта умерла, отравившись грибами.

Faehlmanni 27

Прямо напротив нашего дома стояло это неказистое деревянное строение. После войны оно было крашено суриком. В те времена, по счастью, ни у кого не хватило бы смелости покрасить дом в такой лазоревый цвет.

В типичном таллинском доме для наемных рабочих туалет размещался в коридоре. На втором этаже в крохотной двухкомнатной квартире жили родственники моего отца, в недалеком прошлом состоятельные, по-старинному благородные Илья Аркадьевич и Элла Ефимовна Рефес. Каково им было пользоваться коммунальным туалетом, я не знаю. Но сегодня предполагаю, что они благодарили судьбу за то, что остались живы и вернулись в Таллинн. Много времени я провел у них дома. Я валялся на диване, и Элла Ефимовна затевала со мной различные игры. Когда я окончательно выходил из себя, она всегда приговаривала: «Зунделевический темперамент», с ударением на последнем слоге. Я не всегда понимал, хорошо это, или плохо. Но меня за это никогда не наказывали.

На том же втором этаже жили Наум Семенович и Фаина Александровна Голубовы. Наум Семенович, как и все хирурги, немного был циником, и очень остроумным человеком. Душой компании. Он показывал фокусы, рассказывал анекдоты и веселил всех напропалую.

В первой комнате на специальной подставке стоял у них заводной патефон. Сбоку в таинственном желтом футляре лежали запасные иголки. Любимыми пластинками были Тарапунька и Штепсель. Еще была пластинка, где был записан какой-то скетч, название которого навсегда застрял в памяти. Назывался он «Главсметана». Что в нем было смешного, убей бог, не помню. Зато помню еврейские песни на идиш. Исполнитель Наппельбаум.

А строгая Фаина Александровна работала в Госбанке. Это звучало грозно.

Vase 7

В этот дом семья Голубовых, Наум Семенович, Фаина Александровна и их дочь Ирина, въехали в начале 60-х. Снесли бараки оргнабора, и на их месте построили два новых дома. Наум Семенович как один из лучших хирургов города, получил ордер на улучшение условий жилья. Квартира была, хоть и двухкомнатная, зато со всеми удобствами. Тогда это была настоящая роскошь. Их телефонный номер был 15-51.

Наум Семенович был ленинградцем. В начале войны его забрали в армию после четвертого курса медицинского института. Забрали как и всех, не дав доучиться. Около Таллинна он попал в плен к немцам.

Его спасли раскосые глаза. Голубов выдавал себя за татарина. Как врача, его направили на работу в госпиталь для военнопленных, который находился на Нарва маантеэ, дом 48. Военнопленные татары, которые были в госпитале, не выдали своего доктора. Старые таллиннцы, семья Пановых, которые жили в маленьком деревянном доме на месте сегодняшнего магазина «Кодутарвед», тоже на Нарва маантеэ, раздобыли для него разговорник, который он зубрил по ночам. Немцы разрешали врачу ненадолго выходить из больницы. Тогда он доходил до Пановых, и они подкармливали его, как могли. Так доктор Голубов продержался до ухода немцев. После войны в этом же помещении госпиталя для советских военнопленных открыли таллиннскую Портовую больницу, и он продолжил работать хирургом в том самом доме.

Скончался Наум Семенович Голубов в Германии. Он переехал туда с семьей в самом начале девяностых.

Raua 14

14 июня 1941 года, в День депортации, который «романтики» из НКВД назвали «План мероприятий НКВД по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Эстонской ССР», в лагерь был отправлен Тевье Фурманский, один из лидеров еврейской жизни в Тарту. В ссылку в томскую область были отправлены его мать, молодая жена и две маленьких дочери. Все они выжили, но остались в Сибири. Надолго, на очень долго. Помню их первый визит в Таллинн. Они хоть и говорили понятным нам языком, но уже стали другими. Сибирскими. В середине 60-х годов мать Тевье и его младшая дочь, которой еще до войны успели дать «антисоветское» имя Атида, что на иврите означает «Будущее», вернулись в Таллинн. Жили они в этом доме в одной комнате коммунальной квартиры на первом этаже. Бабушка вскоре скончалась, а Атида вышла замуж за Эльханана Маноима, одного из моих двоюродных братьев. В 1973 году они с детьми уехали в Израиль. Тартуская еврейская интеллигенция группировалась вокруг двух студенческих корпораций, «Лимувия» и «Хасмонеа». Первые были идишистами, левыми либералами. Они считали, что будущее еврейской жизни может быть обеспечено и в диаспоре. Вторые были «ревизионистами», то есть последователями Жаботинского. Они предпочитали идишу иврит, и считали, что все евреи должны жить в Израиле. В 1940 году НКВД приступило к вербовке агентов в свои ряды. Какими методами принуждения они действовали, сегодня уже не восстановить. Но факт, что некоторые лидеры тогдашней еврейской общины пошли на активное сотрудничество, которое продолжалось долгие годы. Они прожили благополучную жизнь при советской власти. Те, кто отказались, пошли в лагерь, как Тевье Фурманский.

Tobiase 2

Зина Бернштейн была замужем за Семёном Марковичем, известным таллиннским врачом. Мама и тетя Зина были очень дружны, еще в эстонское время. Они жили веселой жизнью хорошо обеспеченных молодых дам. Сохранился снимок, где они, хохоча, едят сосиски на улице. Мама говорила, что это были самые вкусные сосиски на свете. Дело было летом в Хаапсалу.

Вскоре после войны доктор Маркович умер, и тетя Зина осталась с двумя маленькими детьми на руках. Плюс туберкулез, привезенный из Сибири. Семья бедствовала. Зина работала сторожем в общежитии моряков на улице Лай. Сегодня там отель Меритон.

Она пила очень крепкий чай, постоянно курила, и огромный коричневый плюшевый медведь в ее доме весь пропах никотином. На кухонном подоконнике стояла большая банка, покрытая марлей. В ней плавало нечто, похожее на морские водоросли. Это называлось «гриб» и жидкость из под этого чудовища полагалось пить. Говорили, что это природный пенициллин, который необходим при туберкулезе.

В доме у тети Зины я впервые съел кусочек поджаренной свинины. В нашем доме бабка ничего подобного ни нам, ни себе не позволяла. Вкус оказался божественный.

Ее младший сын Сашка впервые познакомил меня с песнями Галича и Окуджавы. Это было в 1964 году.

После возвращения в Таллинн, тетя Зина поселилась в этом «еврейском» доме, который до войны принадлежал семейству Фурманских. На последнем этаже этого дома проживала дочь бывшего домовладельца, Соня Эткина. Это была одна из наиболее колоритных фигур таллиннской послевоенной жизни. Постоянно ярко покрашенная, с неизменной сигаретой в руке, эта властная женщина многие годы была юрисконсультом Таллиннского Дома торговли, Каубамайя. Это была истинная позиция силы.

Перед нашим отъездом в Израиль, она достала мне костюм небесно-голубого цвета. Он переливался всеми цветами радуги, потому что был сшит из чистой пластмассы. Костюм провисел в иерусалимском шкафу несколько лет, и перекочевал в тележку араба-старьевщика, который раз в неделю проходил мимо нашего дома и зазывно кричал «Алте захен!» (*старые вещи, иди*). Ходить в таком костюме в Иерусалиме было немыслимо.

Terase 10

Я очень любил цирк. Там замечательно пахло конским навозом. Очередь в кассу выстреливала прямо в проход к шапиту, а там уже начиналась совершенно иная жизнь. Укротительница Ирина Бугримова, иллюзионист Эмиль Кио, аттракцион «Колесо смерти», клоун Карандаш и собака Клякса.

Олега Попова я не любил. Карандаш, великий Румянцев, был куда лучше.

Шапито устанавливали на площади Сталина в последнюю неделю мая, а представления начинались первого июня. На месте шапито сегодня находится торговый центр Melon, а раньше в этом доме находилось «Эстонэнерго», бульвар Эстония, дом 1.

Программа за лето менялась трижды, один раз в месяц. Надо было увидеть все программы.

Цирковые снимали квартиры в городе. Одна из таких квартир находилась в этом доме. Там жила семья Дрозд. Меня всегда забавляла эта фамилия. Еврейская птица. Правда, ровно в такой же степени, как и Галкины, Воробьевы, и Соколовы. Это фамилии кантонистов, то есть потомки николаевских солдат, которые отслужили на царя 25 лет. Их фамилии в русской армии часто менялись на птичьи. Но это уже другая история.

Со временем, в квартире Дрозда стала жить их племянница Лия Ключик, в замужестве Сегаль. В 1961 году Лия сдала комнату молодым физикам Элику и Рите Малкиным, которые только что окончили университет в Тарту. С Эликом и Ритой меня связывает целая жизнь.

А цирковые продолжали там жить каждое лето. Я регулярно получал контрамарки, и был абсолютно счастлив.

Терасе 5

Прямо скажем, не самая типичная ситуация сложилась в квартире номер 4 этого дома. В одной комнате этой трехкомнатной квартиры жила Мириам Добрыш, вторую занимал Исаак Мейерталь, а в третьей комнате жили адвокат Мийя Коломойцева и ее сын Боря Лурье. В результате неких легальных комбинаций моего тестя от первого брака, адвоката Самуила Левитина, комната Исаака Мейерталя, к тому времени уже покойного, временно досталась моей тогдашней жене Авигайль. Это было самое предотъездное время, 1972 год. Мы с Борей Лурье безуспешно для меня учили иврит и попивали алжирское вино и югославский виньяк. На этикетке этого бренди был изображен розовощекий купидон, и наутро от него сильно болела голова. Купидон, к сожалению, был тут совсем не причем.

К Боре Лурье из Москвы приезжала в гости его возлюбленная Сузи, с которой они строили малореальные планы воссоединиться в Израиле. Этому препятствовали многие обстоятельства. Во-первых, Боря попал в отказ и влился в ряды эстонских «отказников». Кажется, он стал пятым. Во-вторых, он не рисковал жениться до отъезда, чтобы не давать поводов КГБ заводить по его поводу новое предотъездное дело. Менялся состав семьи. И, в-третьих, было на пути еще достаточно иных обстоятельств.

В связи с приездом Никсона в СССР, Боря получил разрешение на выезд. Затем, совсем неожиданно для всех нас, смогла выехать и его будущая жена. А мы совершили обмен в соседний дом, и еврейская коммуналка навсегда прекратила свое существование.

Tina 23

В 1973 году в результате сложного четырехкратного обмена, нашей семье удалось поменять квартиру на улице **Faehlmanni 32**, и комнату в чисто еврейской коммуналке на **Terase 5**, на квартиру со всеми удобствами. Мы наконец-то купили телевизор и стали принимать ванну. Баня на Гоголя, она же на домашнем кодовом языке Raua saun, осталась теперь только как мужской клуб моей компании. Каждую субботу мы собирались там в полдень, выпивали ящик пива, и вели соответствующие банному жанру разговоры.

В первой собственной ванной комнате я оборудовал фотолабораторию, где по рецептурному справочнику смешивал химикалии. В свете красного фонаря в кювете медленно проявлялось изображение.

В те годы уже полным ходом шел процесс отъезда евреев. «Эстонские» евреи не питали никаких иллюзий по поводу советской власти. У многих близкие родственники уехали из Эстонии в Палестину еще в начале 30-г годов. И как только приоткрылось окно, большинство воспользовалось ситуацией.

Поздней осенью 1976 года в этот дом ко мне постучался бывший одноклассник, который к тому времени уже работал в КГБ. Его прислали ко мне для беседы, сутью которой было предложение, от которого нельзя отказаться. Мы пакуем чемоданы, и уезжаем с израильским приглашением, куда глаза глядят. А иначе, как было сказано, «вырвем бороду». Предложение показалось разумным, потому что «у них» было для этого достаточно оснований.

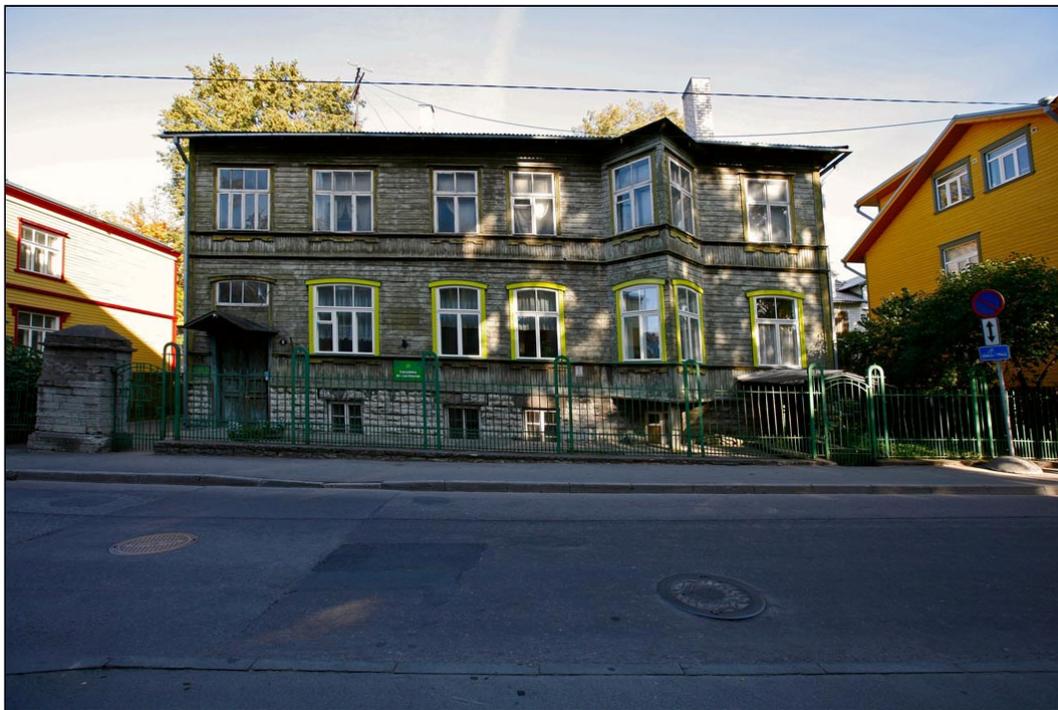
Спустя несколько месяцев мы оказались в городе Ашкелоне, на берегу Средиземного моря. Водка из магазина пахла там апельсиновой коркой. И к этому невозможно было привыкнуть.

Tina 5

На первом этаже этого дома жил Яшка Минскер. Мы учились в параллельных классах восьмилетки на Тарту маантеэ. Называлась она «третья школа». Меня всегда занимал вопрос – третья, с какой стороны? Эту школу сформировали из самых хулиганистых и отстающих классов со всей округи. Училась там, действительно, одна шпана. Это была моя школа выживания.

Яшка Минскер был на две головы выше всех. И вообще, в восьмом классе он был уже совершенно половозрелым молодым человеком, в организме которого грохотали гормональные бури. Он оставался в раздевалке после уроков, и заваливал зазевавшихся восьмиклассниц на пол, запуская им руку прямо в трусы. Это считалось абсолютным геройством, и его смелости завидовали даже самые опасные хулиганы. На самом деле, Яшка был весьма симпатичным парнем, с которым мы иногда вместе готовили уроки, и шлялись по Кадриоргу. В тот год на одной из скамеек около кадриоргского дворца он потерял невинность. Лет десять тому назад скамейка еще стояла на своем месте. А Яшку я больше никогда в жизни не видел.

Vilmsi 9

Там, где сегодня находится детский сад, когда-то были жуткие коммуналки. Не смотря на благородное происхождение этого кадриоргского дома, жили там страшно. Как в бараках у переселенцев по оргнабору. Бараки стояли на улице Вазе, на месте магазина Альбатрос, где моряки отоваривали привезенные из плавания сертификаты.

В этом странном для Кадриорга доме жил Яшка. Фамилии его я не помню. Знаю только, что наши мамы были как-то с «эстонского» времени немного знакомы. Яшка был маленький, с прекрасной точеной фигурой, и с не очень красивым лицом. Кличка у него была Яшка-макака. Он занимался прыжками в воду. Бассейн с трамплином находился в около Лебединого пруда, в детской спортивной школе. До войны моя мама после теннисных кортов ходила туда плавать. В мои времена летом в этот бассейн водили воспитанников городского лагеря. Я тоже как-то раз полез вслед за Яшкой на этот трамплин, но вниз спустился своим ходом, по лестнице. Бассейн сверху показался очень уж маленьким.

Спустя несколько лет рядом с бассейном построили закрытый каток для фигуристов. Простых смертных покататься на коньках туда не пускали. Там тренировался спортсмен Харри Шейн.

А я ходил на соседние теннисные корты, где несколько лет делал вид, что играл в теннис у известного тренера Пикката, с которым мама была знакома еще до войны. Пиккат сжалился над моими мучениями, и прогнал меня с глаз долой. Меня ненадолго перевели на фигурное катание, но дальше занятий в спортивном зале, я не пошел. Оттуда я уже убежал сам.

Vesivärava 28

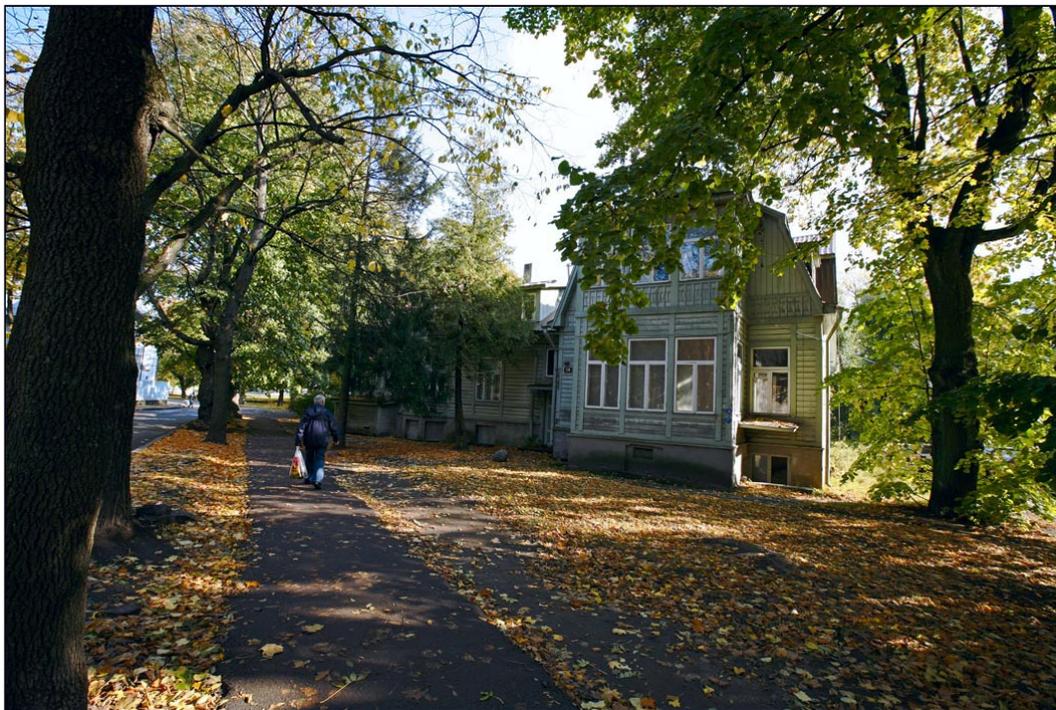
По улице Весивярава когда-то ходили поезда. Это была узкоколейка, которая соединяла товарную станцию Юлемисте и причалы торгового порта. По дороге из порта, груженный состав товарных вагонов. Платформ и цистерн, медленно двигался по городской улице прямо между домами. Нашей задачей было запрыгнуть на подножку вагона сразу за перекрестком Нарвского шоссе. Самые смелые из нас доезжали до барахолки. Сегодня там городской автовокзал. Я чаще всего спрыгивал на углу улицы Поска, тогдашней улицы Лейнери. Примерно у этого дома. Тут жила подруга моей бабушки, мадам Козловская, одна из родоначальниц таллиннского клана Козловских.

Poska 10

В этот дом я сам никогда не ходил. Там жил Мишка Федотов, о котором я тогда ничего не знал. Обстоятельства свели нас уже в Иерусалиме, где Федотов одно время был заметной деталью русского пейзажа этого непростого города. Он стал довольно известным писателем. Сначала в Израиле, потом в России.

Там же проживал и известный футболист Николай Севастьянов, не по-спортивному интеллигентный человек. Отец захаживал к нему слушать записи оперной и симфонической музыки. У него был патефон и большая коллекция пластинок, о которой мой отец мог только мечтать. Севастьянов был большой меломан. А отец на ночь напевал мне песни Шуберта.

Poska 14

Леонид Айзенштадт, из династии лидеров еврейской общины Эстонии, после войны жил в этом доме. У него было длинное худое лицо с глубокими морщинами за крыльями носа, и приветливый взгляд. Он вкусно пах табаком. И еще от него исходило нечто неопределенное, но очень приятное. Сегодня я бы сказал – аура. Я всегда ждал его появления. Айзенштадт дружил с моим отцом, Евгением Сунделевичем. Они вместе недолго работали в редакции газеты «Трудовой путь», которую позже переименовали в «Советскую Эстонию». Выгнали их обоих оттуда как прокравшихся на идеологическую работу буржуазных элементов. Правда, мой отец всего-навсего работал в отделе писем, где приводил бред шизофреников в соответствие с нормами русского языка.

Газетная работа для отца окончилось непосредственно в день моего рождения. Ему, как буржуазному элементу и многолетнему журналисту газеты «Kölner Tageblatt», запретили работать на «чистой работе» и записали в слесари по авторемонту. И это человека, который с трудом отличал молоток от отвертки.

Может быть, в НКВД знали, что в праздничном номере газеты Постимеес в честь 15-летия Эстонской республики был приведен обширный пересказ статьи моего отца о достижениях Эстонии. Сама статья была опубликована за несколько дней до этого в Кёльне, где отец тогда жил и работал. А материал в Постимеес назывался «Lämmatab kõik skepsise», то есть «Развеивает весь скепсис».

До этого лопату он впервые взял в руки в Трудовом батальоне, куда его, как непригодного к строевой службе, мобилизовали в начале войны. Через два года его, полуживого, сактировали, и бросили умирать. Но он выжил.

Даже после этого, работа в гараже была для него адом. Через девять лет он умер.

Когда к нам приходил Леонид Айзенштадт, они с отцом попивали коньяк, который Айзенштадт всегда приносил с собой. Такой у них был фасон.

Poska 19

Маленькая развалившаяся избушка когда-то была скромной дачей царского времени. Бабка и дед Сунделевичи одно время жили в Петербурге, где родились мой отец и его брат Николай. Летом они приезжали в Ревель на дачу, и несколько лет останавливались в этом доме. Дом в центре города на Малой Михайловской, где проживала семья, под дачу никак не годился.

Мой еще молодой, но уже тяжело больной отец, который вынужден был ходить с палочкой, потому что в те времена лечить болезни сердца еще не умели, выводил меня в Кадриорг. Мы шли мимо этого дома, доходили до лебединого пруда, а если отец был в форме, то и до дальнего восточного пруда. Там я съедал бутерброд с редиской, мы шли до конечной остановки трамвая, проезжали две остановки, и возвращались домой.

А мой дядя Николай эту дачу больше никогда не увидел. Он окончил Технический университет Парижа, работал секретарем лидера социалистов Леона Блюма, сидел в застенках НКВД в Барселоне во время Испанской войны, был одним из организаторов Сопротивления, бежал из немецкого лагеря, был заместителем министра в первом правительстве де Голля. Умер он в 1953 году в Париже. Начиная с 1939 года, братья не смогли обменяться ни единым письмом. Теперь некоторые говорят: «Времена были такие». Нет, не времена, а просто советская власть.

Wiedemanni 5

Моим одноклассником в «третьей школе» был Мишка Хищенко. Он жил в этом доме в небольшой коммунальной квартире на первом этаже. Его мама была урожденная Цимбалова, из местных.

Чаще всего мы возвращались со школы вместе. Мы шли через Пионерский парк, который сейчас, также как и до войны, назывался полицейским. Парк нам казался тогда довольно большим. У входа со стороны школы находилось небольшое загадочное бетонное сооружение в виде усеченной пирамиды. Зимой оба спуска этой пирамиды превращались в ледяные дорожки, и надо было съехать по ним так, чтобы не попасться мальчишкам, которые всем подряд ставили подножки. Отказаться от спуска считалось неприличным. Через это надо было пройти.

По дороге домой мы с Мишкой придумывали на ходу какие-то фантастические истории, рассказывали их хором, и смеялись до икоты. Я никогда в жизни больше так не смеялся, как во время этих прогулок.

На одном этаже с Мишкой жил математик Эндель Липпус. Его отец был олимпийским чемпионом по стрельбе. Медали эстонская сборная получила на олимпиаде в Берлине в 1936 году. Отца Энделя Липпуса как офицера эстонской армии расстреляли в Норильске. Он него остались золотые часы с маленьким государственным гербом на браслете.

С Эндем Липпусом мы бездельничали за казенный счет сначала в НИИ на Пирита теэ, потом в Майноре, который в те времена назывался Центр научной организации труда и управления министерства лёгкой промышленности, и под конец в Вычислительном центре Министерства здравоохранения. Это он надумил меня уехать в Израиль. Хороший был человек.

Wiedemanni 11

На последнем этаже этого дома, вход сбоку, жили Менаше и Сара Шейн, родители Хаги и Харри. Ребята, в отличие от меня, ходили в эстонскую школу, были старше меня, и вообще, жили своей жизнью. Я был для них еще мальком. Как-то раз мы оказались в одном пионерском лагере. Там царили достаточно суровые нравы. Надо было уметь выживать. Не смотря на мой довольно хороший эстонский, я все равно воспринимался чужаком. А они были своими, к тому же спортсмены, и всякое такое. С Харри мы подружились уже в Израиле, где много лет прожили в Иерусалиме по соседству. Когда в 1954 году КГБ начал игру против израильской разведки через бывших эстонских сионистов, Менаше Шейну достало мужества и проницательности не подсесть на крючок. Предатели среди этой компании все-таки были.

Wiedemanni 13

Как-то раз в сопровождении мамы мы заходили к Борису и Фриде Бернштейнам. Фрида была концертмейстером в театре Эстония, а Борис – легендарным искусствоведом в Художественном институте. Они переехали в Таллинн из Ленинграда, выучили эстонский язык, и влились как в профессиональный мир эстонского искусства, так и в артистическую еврейскую компанию, которая собиралась за столом у Анны Класс. Недавно вышли воспоминания Бориса Бернштейна «Старый колодец».

Он написал: «Система проникала в наши клетки, раскол был внутри. Энтузиазм и страх, вера и ересь, лицемерие и искренность, достоинство и сервильность, странно и неразлично переплетались между собой, образуя удивительную диалектику личности, сформированной сталинской эпохой».

Koidula 15-A

У моей бабушки был довольно обширный круг знакомств. Во всяком случае, так мне тогда казалось. Бабушкиных подруг никто никогда не называл по имени. Только по фамилии. С добавлением «мадам». Так я их и запомнил. Мадам Страж, мадам Козловски, мадам Вейнберг, мадам Пессин. Среди них была и мадам Коробов.

Бабушка часто водила меня с собой по гостям. Отец почти все время проводил в больнице, приходя в себя после очередного инфаркта, а мать, как обычно, была на работе. Кто-то должен был зарабатывать деньги. Я бойко говорил на идиш, и это стало известным аттракционом. Бабушка время от времени обращалась ко мне на идиш, и я должен был поддержать беседу.

В этом доме жила мадам Коробов. Мне кажется, что дом был тогда желтого цвета. Помню заставленную мебелью комнату, и кажется, белую печь. Меня ставили на стул, и я декламировал первую главу Евгения Онегина. И еще помню девушку Рут. Она поступила в Педагогический институт.

Сегодня это единственный адрес на моих радиальных линиях, где все еще сохранилась преемственность. Рут Лаане (Коробов) живет в том же доме.

Narva mnt. 17

Одной из ближайших подруг моей мамы была Циппа Левина, урожденная Бовшовер. У тети Циппы была сестра Минна, которую все звали по-домашнему Моней.

Соглашение Сталина и Гитлера привело к тайному приложению пакта Молотова-Риббентроппа и к ультимативно навязанному договору о советских военных базах. Нормальной человеческой жизни моих родителей пришел конец.

Вместе с военными Красной Армии в Эстонию перебрался и Театр Балтийского флота. Его директором был молодой и красивый парень Пётр Моисеевич Любаров. У него была внешность классического голливудского героя-любовника. Мужественное благородное лицо. Волевой подбородок, волоокий взгляд, и хорошо поставленный голос. Разговаривал он как трагик на русской провинциальной сцене. Что еще надо для женщины? Сердце Мони Бовшовер навечно было отдано Любарову.

После войны Любаровы вернулись в Таллинн, где Пётр Моисеевич стал первым директором Русского драматического театра. В этой должности он проработал несколько десятков лет.

Всю свою послевоенную жизнь Любаровы прожили в этом доме. Там жили артисты. В 1960 году вместе с другом Мишкой Ивановым я обошел все квартиры этого дома, собирая в школьную тетрадку в линейку подписи в защиту Лумумбы. Наши имена были напечатаны в газете «Пионерская правда», но мне не удалось спасти от смерти Патриса Лумумбу.

Narva mnt 6

На втором этаже центрального подъезда этого дома жили Циппа и Бенцион Левины. В детстве из всех «тётя и дядя» именно с ними я провел больше всего времени. Они держали меня за родного племянника. Тётя Циппа была одной из наиболее близких подруг моей мамы.

Несмотря на некий провинциальный налет тети Циппы, дом их был важным центром культуры. Бенцион Исаакович заведовал сектором юридических наук Академии наук. Под псевдонимом Б.Лийвак он перевел на русский язык «Весну» и «Лето» Оскара Лутса. Не так давно я перечитал эти тексты в оригинале, и мне захотелось перевести их заново.

Бенцион Левин был крупным юристом, и водил дружбу в Москве с известными учеными и писателями. Помню Бориса Лавренева, академика Бунича. Петр Моисеевич Любаров приводил в гости к свояку своих театральных гостей. Каждое лето вначале из Ленинграда, а затем из Москвы приезжали выдающийся филолог Георгий Владимирович Степанов и его жена Раиса Зиновьевна Рахмилевич, с которой близко дружила моя мама. После поезда Степановы завтракали у нас, затем следовал традиционный обед у Левиных, и отъезд на дачу.

Георгий Владимирович Степанов, или, по-домашнему, Готя, был моим ментором. В свои 16 лет я получил от него первую порцию самиздата. На выходные я часто добирался до Ленинграда, звонил с вокзала, и приезжал к ним на Парк Победы. Там меня ждало необходимое для формирования личности чтение, и что не менее важно, разговоры.

Мы с мамой часто проводили у Левиных субботние вечера. Большой компанией все усаживались перед телевизором и смотрели «Голубой огонек» или различные театральные программы, которые Петр Любаров всегда комментировал своим бархатным баритоном. Он многих знал лично.

Туда часто заходил брат Бенциона Левина, адвокат Хаим Левин, и его сын Симон.

Когда я вернулся в Таллинн, в живых из этого окружения оставался только Симон. Ему суждено было стать самым известным Левиным Эстонии.

Gonsiori 17

Моя мама и Анна Гуревич, в замужестве Класс, несмотря на небольшую разницу в возрасте, которая в детстве и юности может оказаться существенной, дружили с ранних лет. Они вместе занимались музыкой. Но перед поступлением в консерваторию, мой дед обанкротился, и деньги на академическое образование моей мамы испарились в очередном экономическом кризисе.

В 1941 году Анна Класс, ее родители и сын Эри эвакуировались в тыл. Вместе с нашей семьей они оказались в уральском поселке Пласт. Там добывали золото. Когда Анну Класс позвали в Ярославль, где были собраны избежавшие лагерей эстонские музыканты, художники и литераторы, Эри остался на попечении своих бабушки и дедушки, а также моей мамы почти что на целый год.

После войны Анна Класс, Эри, и вернувшаяся к ним после войны помощница тетя Юли, жили на первом этаже бывшего «генеральского дома». В этой же квартире жил и партнер по фортепианному дуэту Бруно Лукк. Я с бабушкой частенько сживал в малюсенькой комнате для прислуги, в которой жила тетя Юли, или на кухне, стены которой были выложены белым кафелем. Из дверей комнаты Бруно Лукка, которая находилась напротив кухни, раздавались устрашающие пассажи. Там репетировал дуэт. На кухне надо было сидеть тихо и по коридору не бегать. Заходить можно было только в комнату Эри. Звуки, которые раздавались оттуда, занимали меня намного больше. Это был джаз, который вызывал у меня экзотическое состояние. Руки сами начинали отбивать ритм.

Дома меня держали на привязи у рояля, но мне хотелось играть на барабанах. «Рая, сказала тетя Аня моей маме, в жизни у тебя будет на одну проблему меньше. Музыканта из него не получится». И была совершенно права. Немецкое пианино продали, а меня переключили на теннис.

Rävala pst. 7

Когда моя мама подружилась с Анной Экстон, я не знаю. Во всяком случае, я не помню, чтобы мама про это рассказывала. Допускаю, что это произошло во время маминых занятий музыкой. С другой стороны, они были ровесницами, и могли подружиться раньше. Может быть, учились в одной школе. Люди они были разные, но что-то их, тем не менее, крепко связывало. Они ссорились, расходились, и опять продолжали общаться.

В моем детстве тётя Ань было две: Анна Клас и Анна Экстон. Одна из них была «черненькая», а другая, Анна Экстон, была «беленькая». Занятия балетом повредили позвоночник бывшей прима-балерины королевского театра в Антверпене, и по чьей-то рекомендации она носила на поясе кошачью шкурку, мех которой, якобы, обладал целительными свойствами. В те времена у меня был любимый кот Мурзик. Методы лечения Анны Экстон я воспринимал с ужасом.

Зато именно с ней и с мамой я впервые оказался на балете и на симфоническом концерте. Балет был Лебединое озеро. Во время спектакля тётя Аня, тяжелой руки директрисса Балетного училища, ворчала на исполнителей, и к концу первого акта совершенно рассвирепела. В антракте она убежала за сцену. О том, что там происходило, можно только догадываться.

На симфоническом концерте мы сидели в первом ряду на левом балконе. Большую часть времени я пересчитывал ограненные трубы, и довольно громко выяснял состав инструментов, чем ужасно злил тётю Аню. Дирижировал Курт Зандерлинг. Напротив нас, на правой стороне балкона, в первом ряду над эстрадой многие годы сидела моя бабушка, Ида Сунделевич и ее муж Пауль Кломпус. Это были их именные места. Бабушка закончила класс фортепиано у Артура Рубинштейна. Но этого концерта она не увидела. Ее расстреляли в Таллинне в декабре 1941 года.

А дом на бульваре Рявала был для меня одним из основных «помывочных» центров. Мы приходили в ванну. После ванны тетя Аня Экстон поила нас чаем с малиновым вареньем. Варенье было приторно сладким. Зато мне позволялось рассматривать художественные альбомы. Акварельные эскизы театральных костюмов на стенах и репродукции Утрилло переносили в иную жизнь. Я научился с ней разговаривать только тогда, когда дорос до восьмого класса и до толстого журнала «Новый мир».

Weizenbergi 8

Я никогда не любил копать в земле. Руки и колени от этого становились грязными. От прополки быстро начинала болеть спина, и затекали все конечности. В дальнейшем выяснилось, что для этого были объективные причины. Но в те времена, когда мне приходилось обрабатывать барщину на маленьком дачном участке Зельмы Пассовой в Мяхе, про это никто не знал.

Зельма была преподавателем химии. А я же в естественных науках был не то, что туповат, но не испытывал никаких стимулов заниматься, потому что школа была самой что ни на есть пролетарской. В школе надо было не учиться, а выживать. Одним словом, в течение нескольких лет я приходил в этот дом на дополнительные занятия по химии. Занимался я по праву родственных отношений, то есть, бесплатно. Но за это я должен был не то две недели в июне, не то целый месяц каждый день работать на участке. Я ненавидел этот маленький клочок земли, который находился на границе леса неподалеку от конечной остановки автобуса. Сегодня примерно на этом месте находится магазин Мяхе.

Как-то раз в отсутствие тети Зельмы, мы вместе с мамой поселились в ее дачном скворечнике. Днем началась гроза. Мы сидели около единственного окна этого домика и смотрели на темное небо и всполохи молний. Вдруг раздался оглушающий грохот, и совсем близко от моей ноги в стене дома прямо под окном образовалась маленькое отверстие. Молния попала в дом, но пожара не было. От возможной смерти меня отделял десяток сантиметров.

Зельма была двоюродной сестрой Фриды Хилевич, жены моего дяди Авраама Хазака. Хазаки уехали в Палестину в 1930 году. А братья Фриды примерно в это же время переехали в США. Один из них, Арон Хилевич, стал крупным миллионером и влиятельным меценатом. Он дружил с премьер-министром Израиля Бен Гурионом и лоббировал его политику. Один из корпусов университета имени Бен Гуриона в Беэр-Шеве носит имя Арона Хилевича.

Время от времени мы заказывали на телеграфе на улице Вене разговоры с Америкой. Зельма приходила к нам и говорила по телефону со вторым братом Мозесом. Это всегда было важным событием.

Weizenbergi 14

Во времена моего детства зимы всегда были снежными. Снег ложился в конце ноября и таял в марте. Сугробы в городе были высокими, а подтаявший снег перед домами посыпали не песком, а золой из печки. Центральное отопление в Кадриорге было скорее исключением, чем правилом. Так что, недостатка в золе никогда не было.

На моей памяти, солнечных и холодных дней зимой тогда было намного больше, чем сейчас. Это следствие не аберрации памяти, а потепления климата. В такие хрустящие дни, вернувшись из школы, я спускался в подвал, забирал оттуда свои лыжи с кожаными креплениями на металлических замках, и отправлялся в путь. Лыжи, сложенные полозьями друг к другу, укладывались на плечо, так что крепления, которые сильно пахли кожей и дегтем, оказывались прямо у носа. Я шел по своей улице Якобсони, выходил на Вийдемани, пересекал Поска, и довольно быстро оказывался у Дома Кастеляна. Там уже можно было встать на лыжи. Я доходил через Косе до Клоостриметса, оттуда заворачивал вдоль реки к Пирита, и через Певческое поле возвращался назад.

Усталый и замерзший, я часто заходил к тётё Лене, которая жила на первом этаже этого дома. Это была сестра покойного отца моих двоюродных братьев, Меира Маноима. Меир был на последнем корабле, который в августе 1941 года вышел из уже практически захваченного немцами Таллинна. Корабль потопили, и почти что все, кто находились на нем, утонули.

Тётя Лена жила в еще одной еврейской коммуналке. В этой квартире жила еще и её сестра Фрума, ее муж по фамилии Якобсон, и дочь Хана. Якобсон делал фуражки, и его основными клиентами были военнослужащие советской армии. Бизнес у него был левый, но фуражки нужны были всем, видимо, и офицерам НКВД-КГБ, так что, его не трогали.

Рано созревшая дочь Хана, которая лет на шесть-семь была старше меня, даже на меня малолетку производила впечатление своим весьма скромным умом. Зато тётя Лена обладала определенной интеллигентностью, читала толстые журналы, курила папиросы, и держала пушистого кота. Она была одиноким человеком. Тётя Лена отпаивала меня горячим чаем и сушками. Толстый свитер, покрытый корочкой льда, просыхал на стуле у печки, приходила пора возвращаться и приступать к ненавистным домашним урокам. Мама всё еще была на работе.

Weizenbergi 16

Фима Зайдельсон в определенном смысле попадал в категорию городских сумасшедших, хотя таковым никак не являлся. Это был очень худой человек двухметрового роста, с огромной курчавой шевелюрой и большим сломанным носом. Весной, осенью и зимой он ходил в серо-желтом пальто с узором «рыбий хвост», который по-русски называли «в ёлочку». Он был невероятно рассеян, и часто половина шарфа, которым он укрывал шею, оказывалась на спине, а шнурки тащились за ним вслед по таллиннской осенней грязи.

Фима был сыном состоятельных родителей, его отец Александр был известным инженером в Эстонии. Университетское образование Фима получил в Итоне. Итонский галстук он сохранил даже во время войны. Это было, безусловно, важно для того, чтобы не потерять ориентиры в новой советской действительности.

Для моего отца это был один из немногих людей, с которым у него было похожее прошлое. Выходцы из Таллинна, продолжительная жизнь в Европе, левые либералы, возвращение в Эстонию и неприспособленность гуманитариев к выживанию в условиях советской власти.

Они вместе начали работать в газете «Трудовой путь». Моего отца выгнали из профессии еще в 1949 году, хотя, какая уж там профессия в газете с таким названием. Фима продержался значительно дольше. Хотя и до него дошла очередь. Пришлось ему переквалифицироваться в работники эстонского государственного архива имени Октябрьской революции.

Фима довольно часто приходил к моему отцу, который по болезни редко выходил из дома. Для заработка они сели писать конъюнктурную пьесу о советской действительности, но то ли искренности им не хватило, то ли таланта, но дальше рассылки рукописи дело никуда не пошло.

Зайдельсоны жили на втором этаже красивого кадриоргского дома, прямо рядом с конечной остановкой трамвая. Я приходил туда раз в год, на день рождения его дочери Наташи. В небольшой комнате набиралось довольно много детей. У Фимы были сводные брат Андрей и сестры Люба и Надя от второго брака его отца. Все дети были примерно ровесниками, зато разница в возрасте Фимы и его сводных братьев и сестер составляла лет тридцать пять.

День рождения, сколько я помню, приходился на осеннее время. Довольно быстро младшие пацаны, то есть Андрей и я в компании великовозрастного Саша Айзенштадта спускались вниз. Мы стояли на крыльце дома, смотрели на подъезжающие и отъезжающие трамваи, и ждали, когда Саша выкурит свою сигарету, завернутую вместе со спичками в носовой платок. Саша стал легендарным кельнером в ресторане гостиницы «Таллинн». Там подавали лучший в мире беф а ля тартар с таллиннской килькой.